

ЕВРЕИ И ЦЫГАНЫ.

Еврей, попавшій по торговымъ дѣламъ въ Лондонъ, жаловался на непомѣрную дороговизну тамошнюю и сказалъ, между прочимъ, что прохворавъ одну только недѣлю, заплатилъ врачу, цырульнику и аптекарю пятьдесятъ червонныхъ. — Такъ скажи слава Богу, что ты заболѣлъ въ Лондонѣ, замѣтилъ другой Еврей: — въ Варшавѣ ты бы на эти деньги провалялся круглый годъ!

Искусный цырульникъ вырвалъ жиду зубъ и требовалъ за это полтинникъ. — Ой—ой, сказалъ тотъ, собираясь уторговать что—нибудь; — прошлаго года одинъ очень хорошій зубной лекарь вырвалъ мнѣ зубъ, да не такой, чтобы сразу, а таскалъ, таскалъ меня по всей комнатѣ изъ угла въ уголь, со стуломъ, совсѣмъ, да ито взялъ съ меня четвертакъ; за что же я дамъ тебѣ полтинникъ, когда твоя работа была совсѣмъ легкая?

Лекарь велѣлъ больному еврею принять лекарства, взятаго для дешевизны въ травяной лавочкѣ, одинъ золотникъ, или

вѣсомъ на одинъ червонецъ. На бѣду у жида червонца не случилось, а потому онъ взялъ, по курсу, на одинъ червонецъ серебра и мѣди и по этому отвѣсилъ пріемъ. О послѣдствіяхъ можно догадываться.

На задахъ еврейской бани стоялъ домишко, въ которомъ жилъ пресердитый нѣмецъ, сапожникъ. Онъ не разъ уже выходилъ изъ себя отъ справедливаго негодованія, когда бывало какой-нибудь отчаянно-храбрый жидокъ, въ подражаніе русскимъ крестьянамъ, выскочить распарившись изъ бани и для потѣхи начинаетъ валяться по снѣгу, подъ самыми окнами разобиженнаго этимъ сапожника, — человекъ впрочемъ почтеннаго и къ тому еще семейнаго. Ни брань, ни угрозы, ни жалобы не унимали охотниковъ до холодной бани послѣ горячей, и нѣмецъ, выведенный изъ терпѣнья, рѣшился на крайнюю мѣру: онъ объявилъ, что будетъ стрѣлять по первому наглецу и безстыднику, который станетъ валяться у него подъ окнами, и въ острастку зарядилъ

пистолеть холостымъ зарядомъ и клюквой. Не уваживъ угрозы, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ соблазнительнаго для сапожника обычая выскочилъ изъ бани и повалился на снѣжокъ. Нѣмецъ схватилъ пистолеть и, растворивъ форточку, пустилъ въ него весь зарядъ. Жидъ заревѣлъ не своимъ голосомъ и на вопросы сбѣжавшихся изъ бани земляковъ кричалъ одно, что онъ убить, убить пулей изъ большого ружья, чуть не изъ пушки, и что пуля засѣла вотъ здѣсь, гдѣ все облито кровью, т. е. клюквой. Въ толпѣ жидовъ тотчасъ же нашелся опытный цырульникъ, который, набѣжавъ сгоряча и спѣша подать помощь, ухватилъ въ кулакъ кожу, на томъ мѣстѣ, гдѣ была мнимая кровь, натянулъ складку и распоролъ ее бритвой вершка на два, чтобы вынуть пулю. Изъ всего этого вышла такая суматоха, что до конца вѣка никто не могъ распутать, что тутъ сдѣлалось, кто былъ правъ, а кто виноватъ.

Еврея, который шель по крайню
нужному, т. е. денежному или торговому

дѣлу черезъ лѣсъ, застигла ночь. Думать было нечего, надо итти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту, темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотрить: одинъ стоитъ передъ нимъ — вышелъ съ боку на дорогу, и стоитъ, даже видно, что у него дубинка на плечахъ.... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости: «Слушай, сказалъ онъ: — не тронь меня, я тебя не боюсь — видишь, насъ двое: а самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и приподнялъ вровень съ головой... Разбойникъ молчитъ, ни слова, и не шелохнется, молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою, но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому—что стоитъ передъ нимъ самъ—третей: видишь, повторялъ онъ: — ну видишь, говори же, зачѣмъ ты молчишь —

видишь, что *насъ трехъ*? Ну, зачѣмъ же ты молчишь? Когда боишься, такъ пойди прочь, дай намъ пройти.... Но все это не повело ни кчему; разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ—третей передъ нимъ; наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго колѣни уже дрожали дрожалками и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень, или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ и съ нимъ разговаривалъ и страцалъ его шапкой и ермолкой.

Часовой, изъ жидовъ, стоявшій у артиллерійскаго парка, покинулъ навремя честь и мѣсто и пошелъ грѣться. При допросѣ впоследствии онъ отвѣчалъ преспокойно и даже божился въ оправданіе свое, что никто не можетъ унести пушку, что онъ самъ пробовалъ это и нашелъ рѣшительно невозможнымъ. Когда оправданіе это не было принято, то онъ утѣшалъ себя впоследствии, когда стаивалъ

на часахъ, тѣмъ, что онъ зимой стужу стережетъ, а лѣтомъ зной.

А что, спросилъ кто-то проѣзжаго еврея-оптика, который предлагалъ разныя услуги, и между прочимъ говорилъ, что съ нимъ есть также лудильщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ; — а что, братъ, нѣтъ ли съ вами такого часового мастера, чтобы умѣлъ воротникъ подцвѣтить? — Есть, отвѣчалъ еврей, и выкрасилъ, худо ли, хорошо ли, воротникъ.

Еврей-корчмарь съ большимъ настояніемъ предлагалъ проѣзжему взять у него чего-нибудь съѣстнаго или питейнаго. — «Выпилъ бы я стаканъ пива, сказалъ тотъ: — да я не стану пить чернаго пива вашего; есть ли у васъ бѣлое?» — «Есть, отвѣчалъ тотъ проворно: — самое лучшее полубѣлое есть»... — «Полубѣлаго не хочу, коли нѣтъ бѣлаго, то не нужно». — «Есть, есть и бѣлое, самое лучшее», — пошелъ и принесъ. Проѣзжій налилъ стаканъ, посмотрѣлъ на жида, поднялъ стаканъ противъ свѣта и спросилъ его строгимъ голосомъ: — что, это бѣлое пиво?

Еврей отвѣчалъ спокойно, пожимая плечами: — красное.

У другого проѣзжаго, по западному краю, вышелъ дорогою табакъ, на который онъ былъ также причудливъ, какъ тотъ на пиво, и не курилъ никакого табаку, кромѣ жуковскаго. «Есть», отвѣчалъ факторъ положительно, несмотря ни на какія сомнѣнія проѣзжаго, который зналъ доселѣ по опыту, что въ томъ краѣ, особенно въ маленькихъ городишкахъ, жуковскаго табаку нѣтъ. Но еврей вскорѣ воротился, и принесъ картузь, который былъ уже распечатанъ и часть обертки заворочена; а между тѣмъ половина герба, сколько то есть было его видно, казалось, принадлежала фабрикѣ Жукова. Знатокъ, истощенный недостаткомъ табаку, поспѣшилъ набить трубку и затянулся сгоряча.... — «Что это?» сказалъ онъ и, схвативъ картузь, отвернулъ обертку и прочиталъ подпись какого-то Семенова или Степанова. «Что это значить», вскричалъ онъ на фактора: — «развѣ это Жукова?» — «Жукова», отвѣчалъ Еврей съ

непостижимою наглостію: — «это все равно, потому—что это самый любимый его прикащикъ; вы не знаете? Онъ его держитъ за сына...»

Цыганъ, подсмотрѣвшій, гдѣ у еврея въ лавкѣ лежитъ выручка, подстерегъ такое время, когда тотъ былъ одинъ, да и по близости лишнихъ людей не случилось. Еврей этотъ торговалъ всякой всячиной, и всего было у него понемногу. Цыганъ отвѣдалъ пальцемъ патоки, за что разумѣется еврей его выбрали, но тотъ, смиряясь передъ хозяиномъ, отсчитываетъ ему деньги и проситъ отмѣрять двѣ кварты. Товаръ готовъ; но гдѣжь у цыгана посуда? Онъ снимаетъ съ себя шляпу и говоритъ: «лей сюда!» Еврей было разсмѣялся и поусомнился, но цыганъ повторилъ: «лей, чего боишься? вѣдь деньги заплочены!» Только—что жидъ налилъ полную шляпу патоки и отвернулся за ложкой, чтобы выскрести мѣрку, какъ цыганъ съ размаху нахлобучилъ на него шляпу съ патокой по самыя мочки ушей, а самъ кинулся на

выручку и пустился съ нею бѣгомъ изъ лавки.

Жиду и цыгану случилось ѣхать верхомъ по одному пути. Оба они были довольны, что нашелся попутчикъ, разговорились и подружились. Цыганъ предложилъ еврею поберечь лошадей и для этого ѣхать имъ обоимъ вмѣстѣ, черезъ день, то на одной, то на другой; покуда одна подъ ними устанетъ, такъ другая отдохнетъ. Еврей согласился, и очередь началась, разумѣется съ его же клячи. Цыганъ сѣлъ впереди, жида посадилъ на забедры, а самъ сталъ по немногу подвигаться назадъ. Жидъ долго примащивался, крѣпился и держался какъ могъ, наконецъ пощупалъ позадь себя рукой, когда ужь почувствовалъ, что сталъ сѣзжать, и поймавъ вполоть за спиной своей хвостъ лошади, оглянулся и въ испугѣ закричалъ: «товарищъ, гляди, кобыла вся!!»

Проѣхавъ день этотъ кой-какъ, жидъ нашель однако же такую ѣзду невыгодною для себя, а потому на другой день, когда

очередь дошла до цыганской клячи, онъ поневолю отъ нея отказался; противу чего товарищъ его и не спорилъ, сказавъ: «это кто какъ любить; пожалуй, поѣдемъ одиночкой.»

Попутчикамъ досталось ночевать въ полѣ, чтобы не платить за постоя да за кормъ. «Лошадей надо стеречь», сказалъ цыганъ: — «а то неровно уведутъ, либо волки съѣдятъ; постереги ты одну ночь, я отдохну, а на ту ночь я буду стеречь.» — «Ладно.» Жидъ простоялъ на часахъ до самого свѣту и только подходилъ иногда къ цыгану, услышавъ издали храпъ его, посмотрѣтъ на него да позавидовать, какъ онъ сладко спить. Пора ѣхать; жидъ похвалился исправностию своею, божился, что не смыкалъ глаза и былъ очень доволенъ, когда цыганъ, тороватый въ такомъ случаѣ на похвалу, подтвердилъ, что жидъ точно мастеръ этого дѣла и пасъ коней хорошо. На слѣдующую ночь еврей готовился отдохнуть и, стреноживъ лошадь свою, пустилъ ее, а самъ сталъ примащиваться. Но къ удивленію своему

онъ видитъ, что цыганъ мостится тутъ же, подлѣ. «Чтожь ты», вскричалъ онъ: — «развѣ забыль?» — «А что?» — «Какъ что! теперь твоя очередь пасти коней!» — «Да вѣдь у меня вороная лошадь», отвѣчалъ спокойно цыганъ: — «а ночь темна, такъ ее никто не увидитъ; у тебя бѣлая, такъ ты и береги свою».

Еврей Ааронъ Гейманъ крестился, но настаивалъ при этомъ, чтобы его назвали не иначе, какъ Александромъ, либо Алексѣемъ Григорьевымъ. Всѣ убѣжденія, что-де отчество надо придать тебѣ по крестному отцу и проч., не помогали, и еврей настоялъ на своемъ. Оказалось, что у него была старая печать, съ буквами А. Г., и что онъ желалъ зберечь ее и впредь для употребленія.

Жидёнокъ сидя на печи долго пищаль: мама, ѣсть хочу! Еврейка моталась взадъ и впередъ, не обращая вниманія на пискъ этотъ, но наконецъ обратилась къ ребенку съ увѣщеваніемъ, чтобы онъ подождалъ; когда-де придетъ шабашъ — то есть суббота — то будетъ всего много; тогда

будеть юшка (супъ), будутъ лапшердаки (лапша), кугли (печенье) и проч. — Пришелъ и шабашъ, дѣтямъ роздали съ утра завтракъ съ *присмачкой*, то есть съ головкой чесноку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ присмачку эту и сидя съ ломтемъ хлѣба пропищаль плачевнымъ напѣвомъ, разъ двадцать сряду; *мамме, присмачке....* наконецъ выведенная изъ терпѣнія жидовка обратилась къ неугомонному ребенку, топнула, закричала *цыцъ* и прибавила: развѣ я Радзивиль, что я буду тебѣ давать по десяти присмачекъ на утро?

Цыганъ прѣхаль въ деревню на парѣ и, по обычаю цыганскому, тотчасъ же пустился на мѣну. Промѣнявъ одну лошадь и взявъ, разумѣется, придачи, онъ уѣхаль. Вслѣдъ за тѣмъ наѣхали два жида, въ погоню за цыганомъ: одинъ изъ нихъ корить и стращаетъ другого, который во всемъ винится и просить пощады: дѣло въ томъ, что одинъ изъ жидовъ этихъ будто бы также вымѣняль у цыгана лошадь, которая оказалась краденою и принадлежащею другому еврею.

Покупщикъ и самъ не радъ барышамъ своимъ и просить земляка своего только объ одномъ: Богъ съ тобою, возьми и лошадь, только отпусти меня, не вводи въ такое дѣло, гдѣ можно пропасть совсѣмъ. Глядя на это, крестьянинъ, который также вымѣнялъ у цыгана лошадь, крѣпко испугался и не зналъ какъ быть, тѣмъ болѣе, что у еврея, по рассказамъ его, украли пару лошадей. Прочіе крестьяне, изъ участія къ своему брату, не утерпѣли, чтобы не спросить еврея о масти и примѣтахъ другой лошади, и вскорѣ убѣдились, что не ошибаются въ своемъ опасеніи. Но еврей, который очень хорошо зналъ, у кого во дворѣ цыганская кляча, ждалъ только случая, чтобы придраться къ чему-нибудь, а потому и придрался къ этому распросу, пошелъ къ управляющему и требовалъ, чтобы отдали лошадь его, за которою-де онъ и поѣхалъ въ погоню. Разобравъ дѣло и разсудивъ, что при такихъ обстоятельствахъ, при видимыхъ уликахъ, связываться съ жидомъ вовсе не выгодно, управляющій приказалъ тотчасъ

же отдать лошадь. Пошли; бѣдный крестьянинъ выходилъ изъ себя, проклиная и жида и цыгана, но дѣлать нечего — вывелъ лошадь. Жаль ему однако же разставаться съ нею, особенно безъ могоарычей, которыхъ жидъ не даетъ; «такъ отдай же мнѣ по крайности пятиалтынный мой», сказалъ онъ: — «за прокормъ, за мѣру овса!» — И этого не даетъ жидъ. — «Ну, такъ пойдемъ же опять къ управляющему», сказалъ мужикъ рѣшительно, махнувъ рукой: — «что будетъ, то будетъ». Пришли: управляющій закричалъ было на мужика, но этотъ такъ удачно умѣлъ представить все сомнительное и подозрительное въ происшествіи этомъ, что управляющій призадумался. Богъ его знаетъ, кто онъ таковъ, еврей этотъ, откуда онъ и чѣмъ промышляетъ; ни записки не принесъ съ собою отъ городничаго или другого начальства, ни свидѣтелей нѣтъ, кромѣ жида, такогожъ мошенника, какъ онъ самъ... Управляющій сталъ спрашивать еврея, усомнился и велѣлъ ему обождать въ

конторѣ, а товарища послать въ городъ со старостой, для справокъ. Еврей поневолѣ согласился, но потомъ хотѣлъ бѣжать; тоже попытался сдѣлать дорогою и товарищъ его; но ихъ поймали обоихъ, и оказалось, что они давно уже развѣзжаютъ съ цыганомъ по тремъ губерніямъ, промышляя очень выгоднымъ ремесломъ: тотъ ѣдетъ впередъ, мѣняетъ и продаетъ лошадей, а они ѣдутъ за нимъ и отбираютъ ихъ.

Жидаы и цыганы, наводнявшіе югъ и западъ Россіи, и непрерывно сталкиваясь на этомъ пространствѣ, никогда не могли быть другъ ко другу равнодушны, а между ними всегда смѣнялась вражда и тѣсная дружба, любовь и ненависть. Всякаго жида можно раздражить похвалою цыгану, всякаго цыгана можно утѣшить забавными рассказами о жидахъ. Живучи постоянно насчетъ другихъ, племена эти смотрятъ всегда съ завистию другъ на друга, какъ—будто опасаясь, что мошенничество одного отобьетъ наконецъ довѣренность къ другому, что опытъ надоумитъ легковѣрныхъ и скоро ни—кого будетъ

надувать. Кажется, что опасеніе это не основательно. И цыганъ и жидъ довольствуются малымъ, обыкновенно не знаютъ наканунѣ, что будутъ завтра ѣсть, то есть кому придется кормить ихъ, но сколько дней у Бога, столько и дураковъ. Зато еврей не рѣдко богатѣетъ, потому—что онъ предприимчивъ, пройдошливъ, предпріятія и обороты его дѣлаются ширѣ, по мѣрѣ средствъ; цыганъ навсегда осужденъ, по нашимъ понятіямъ, къ нищенству, хотя онъ и считаетъ себя богатымъ, когда у него заведутся новые сапоги. Цыганъ никогда не посягаетъ далѣе, какъ на насущное; жидъ любитъ просторъ и довольство и, достигнувъ этого, не рѣдко бываетъ торовать. У жида есть убѣжденія, онъ бываетъ упоренъ и непомѣрно стоекъ, выносить много, если дѣло коснется этого предмета; цыганъ бываетъ гораздо мягче, отстаивать себя не любитъ и соглашается на все, лишь бы ему было что поѣсть завтра: далѣе онъ не рассчитываетъ. У обоихъ нѣтъ своего отечества, оба живутъ тамъ, гдѣ живутъ другіе люди, потому—что живутъ

насчетъ ихъ; но у цыгана есть сильная привязанность къ родному краю, онъ въ кочевой жизни своей часто въ него возвращается и радуется этому; еврей этого чувства, повидимому, не знаетъ вовсе, по-крайней-мѣрѣ оно вполне заглушается корыстью: у еврея отчизна тамъ, гдѣ онъ привился и прижился. Наконецъ, еврей фанатикъ въ вѣрѣ своей, а у цыгана ея нѣтъ вовсе; одинъ живетъ въ грядущемъ, считаетъ себя избранникомъ Божиимъ, чаесть достигнуть современемъ, по минованіи искуса, всего того, чего у него нынѣ нѣтъ, даже обѣтованной отчизны, — и надежда, увѣренность эта живетъ въ немъ если не для себя, то для потомства своего; другой, напротивъ, не получивъ по преданію никакой вѣры, никакого утѣшенія и обѣтовъ для будущности, живетъ всегда только *сегодня* и готовитъ, со стоическим равнодушіемъ и беззаботностію, потомству своему, о которомъ мало думаетъ, ту же участь. У цыгана всякому преобразованію и улучшенію положенія его противится плоть, у еврея — духъ; у перваго въ дѣлѣ этомъ

принимаетъ, кромѣ плоти, нравъ и обычай
нѣкоторое участіе, — у второго, болѣе
всего, свойства умственныя: тамъ сердце,
здѣсь голова.

В. ДАЛЬ.
